

ХРИСТИАН ВЕЛЬЦЕЛЬ,

профессор Международного университета
Бремена (ФРГ)

РОНАЛЬД ИНГЛХАРТ,

профессор Мичиганского университета
(США)

Человеческое развитие и “взрыв” демократии: вариации изменений режимов среди 60 обществ¹

Abstract

Recently, scholars have been identifying a global “explosion” of democracy as a sharply distinctive period within Huntington’s Third Wave of democratization. So far the role of modernization has not been analyzed with particular regard to this outstanding phase of democratization. Given that modernization has both economic and cultural aspects, we test two prominent theses. First, we test Przeworski and Limongi’s claim that transition to democracy does not derive from economic modernization. Using a graded measure of regime change, we present evidence to the contrary. Second, we test Inglehart’s finding that modern mass attitudes play a negligible role in promoting regime change to democracy. To the contrary again, we show that one aspect of cultural modernization, namely mass-level liberty aspirations has a positive impact on democratic change – even stronger than economic modernization. Third, we unfold the concept of Human Development to establish a more general argument of the causal mechanism in the modernization-democratization nexus. Our data cover 60 societies of the World Values Surveys, representing nearly 50 per cent of all regime changes in the world since 1972.

---

¹ Статья публикуется с любезного согласия авторов. Первая публикация на английском языке осуществлена Центром исследований по социальным наукам (Берлин): *Welzel Ch., Inglehart R.* Human Development and the “Explosion” of Democracy: Variations of Regime Change across 60 Societies // Discussion Paper FS III 01-202. — Berlin, 2001. Полное изложение результатов исследования см.: *Inglehart R., Welzel Ch.* Modernisation, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. — Cambridge, 2005.

Введение

Х. Курцман и Р. Доренсплит в своих последних публикациях продемонстрировали, что оригинальная Хантингтонова периодизация “третьей волны” демократизации нуждается в корректировке [14; 30; см. также: 22, с. 21–26]. Хотя Хантингтон датирует начало третьей волны серединой 1970-х годов, ни Курцман, ни Доренсплит не находят свидетельств неординарного роста доли демократий в мире в конце 1980-х. Вместо этого отчетливо различимый “взрыв демократии” обнаруживается в пределах небольшого временного отрезка, между концом 1980-х и началом 1990-х годов [14, с. 399]. Более чем 70% изменений в сторону демократии, оцениваемых Хантингтоном как “третья волна”, относятся к данному довольно короткому периоду.

До настоящего времени роль модернизации не подвергалась анализу применительно к собственно этой характерной фазе демократизации. В исследованиях последних лет, посвященных связи модернизации и демократизации, лишь несколько авторов непосредственно подвергают анализу изменения в направлении демократии, а не уровни демократии [24, с. 160–215; 35; 37]. Как мы покажем далее, даже эти несколько авторов оперируют неадекватными временными рамками, и наиболее важные изменения в режимах, произошедшие между 1985 и 1995 годами, ускользают от них. Следовательно, положения теории модернизации не проверяются в отношении к случаю, имеющему принципиальное значение в их исследовании. Вопрос о применимости теории модернизации к глобальному “взрыву демократии” так и остается открытым. Цель данной статьи заключается в том, чтобы ответить на этот вопрос.

Модернизация означает естественно развивающиеся процессы в экономической структуре и политической культуре. Обычно данные процессы протекают постепенно, по возрастающей и зависят от ряда факторов, вызывая, в свою очередь, различия в развитии наций [25]. С другой стороны, демократизация является таким процессом, который разворачивается более стремительно, определенными волнами, охватывающими многие государства [14; 22, с. 13–30; 28; 30; 33]. Если движение государства от низкого к высокому уровню модернизации занимает десятилетия, скачок от автократии к демократии может произойти практически в одночасье. Внезапность — одна из отличительных характеристик демократических волн. Другая характеристика состоит в том, что они сопряжены с существенными изменениями на международной арене, в частности с переменами в альянсах между разными режимами [43].

Внезапность и смещения в расстановке сил ограничивают объяснительную способность концепта модернизации применительно к демократизации. Модернизация — эндогенная и долгосрочная характеристика обществ, которая не способна объяснить стремительность и международный характер волн демократизации. Модернизация как таковая не создает ситуаций, благоприятствующих международным волнам демократизации. Исторически такие ситуации являлись следствиями сдвигов в альянсах между существующими режимами, произошедших в результате поражения во Второй мировой войне автократических империй Германии и Японии. Подобные сдвиги предшествовали и недавнему “взрыву демократии”. В 1970-х го-

дах западные державы продолжали поддерживать такие автократические системы, как режимы Маркоса на Филиппинах или Норьеги в Панаме. К началу 1980-х эта политика начала меняться. США и ЕС стали оказывать финансовую поддержку демократическим движениям в авторитарных государствах, при этом Мировой банк стал увязывать условия кредитования страны с “надлежащим правлением в ней” [39, с. 242–244; 40]. С середины 1980-х годов ориентированные на Запад автократии теряли международную поддержку, коммунистические автократии — также, но после того как Горбачев в 1987 году отказался от доктрины Брежнева, процесс приобрел более острые формы. Как на Востоке, так и на Западе международная поддержка автократий в силу этого сократилась, что и способствовало глобальному “взрыву демократии” в 1985–1995 годах.

Однако изменения в альянсах режимов — это только часть объяснения. Провал доктрины Брежнева отчасти объясняет, почему коммунизм неожиданно потерпел крах в обществах, некогда находившихся под советским контролем, но не объясняет чрезвычайно больших различий в изменениях в сторону демократии — от мизерных улучшений в Беларуси до колоссальных сдвигов в Польше. Международный фактор отнюдь не делает модернизацию нерелевантной. Напротив, международная ситуация открывает новые возможности для развития процессов модернизации. Модернизация может быть заблокирована вследствие внешней поддержки автократий, способной влиять на политические режимы. Но с прекращением поддержки процесс становится открытым. Тогда межнациональные различия в отношении модернизации — казавшиеся несущественными на протяжении десятилетий — могут внезапно приобрести значение факторов вариативности изменений в сторону демократии. Из этого следует вопрос: “В каких пределах стабильные вариации в уровнях модернизации объясняют внезапные вариации в изменениях режимов?” Именно это и должна нам объяснить модернизация. Наша статья имеет целью проверить истинность данного утверждения.

Мы начинаем с подробного обсуждения причин, заставляющих усомниться в справедливости изложенных выше утверждений о роли модернизации в процессах перехода к демократии. На основании этой критики мы попытаемся доказать, что устремления к свободе на массовом уровне в качестве показателя культурной модернизации являются наиболее действенным предиктором переходов к демократии. Данное положение проверяется в последующих разделах, при этом основанием для контроля служит совокупность факторов, признанных наиболее значимыми в литературе по вопросам демократизации. Все эти процедуры контроля позволяют получить устойчивый результат. Затем мы продемонстрируем независимость устремлений к свободе от предшествующего опыта демократии. Это лишает силы контраргумент о взаимозависимости между устремлениями к свободе и демократией. Устремления к свободе не следуют прямо из опыта демократии; главным образом они обусловлены экономической модернизацией. В заключение мы изложим наши выводы в рамках более широкой теоретической концепции человеческого развития. Это подводит нас к более общему пониманию причинных механизмов связи модернизации и демократизации.

1. Последние открытия модернизации и демократизации в свете новейших данных

Изучение отношений между модернизацией и демократизацией имеет давнюю историю¹. В большинстве исследований в этой области модернизация определяется как экономическое развитие, при этом используются различные показатели, связанные с экономическим ростом, повышением уровня образования, развитием коммуникаций, усилением социальной диверсификации. Многие исследования демонстрируют устойчивую позитивную связь между экономическим развитием и уровнями демократии. Согласно марксистскому тезису, гласящему, что институты режима отображают его социально-экономическую структуру, главная причинная интерпретация этих корреляций состоит в том, что демократия является скорее следствием экономического развития, чем наоборот [3, с. 63–87; 7; 19].

Вместе с тем некоторые эмпирические исследования опосредованно обращаются к переходам к демократии. По большей части анализируется демократия в определенное время или за несколько лет в течение демократического правления. При этом остается непроясненным вопрос о том, поддерживает ли модернизация только уже существующие демократии или же, кроме того, приводит к развитию новых. Понимая важность этого вопроса, А.Пшеворски и Ф.Лимонжи [37] внесли большой вклад в его решение, подвергнув анализу собственно становление демократий (и автократий, соответственно). Они используют дихотомическое измерение режима, чтобы оценить вероятность изменения режима как в направлении от автократии к демократии, так и в обратном направлении. Ученые пришли к выводу, что модернизация может объяснять сохранение существующих демократий, но не переход к демократии от автократического режима.

Несмотря на то, что эти выводы широко известны, они вызывают сомнения по нескольким причинам. Первая и основная состоит в неверной интерпретации со стороны Пшеворски и Лимонжи собственных наблюдений. Авторы делают свои заключения на основании того, что за период с 1950 года вероятность сдвига автократий в сторону демократии с ростом уровня экономического развития не увеличилась. Но это лишь часть истории. Приведенная ниже таблица из работы Пшеворски и Лимонжи [37, с. 162] показывает, что вероятность сдвига в обратную сторону также не возрастает с ростом уровня доходов (см. табл. 1). Следовательно, важнейший вопрос состоит в балансе вероятностей изменений в сторону демократии и автократии: насколько вероятность изменений в сторону демократии выше вероятности изменений в сторону автократии при росте уровня доходов? На основании данных Пшеворски и Лимонжи можно легко посчитать, что это соотношение изменяется монотонно в пользу изменений в сторону демократии при растущих уровнях доходов: в очень бедных странах (менее \$1000) соотношение вероятности преобразования автократии в демократию и вероятности преобразования демократии в автократию равно один к десяти; в то же время в богатых странах (более \$7000) трансформация автократии в демократию в 28 раз вероятнее, нежели трансформация демократии в автокра-

---

¹ Подробнее о взаимосвязи между социально-экономическим развитием и демократией см.: [3; 4; 8; 11; 18; 20; 31; 32; 36; 44] и др.

тию. Это видно из следующих соотношений, вычисленных на основании данных Пшеворски и Лимонжи (табл. 1):

Таблица 1

**Сопоставление вероятности системных трансформаций
с годовым доходом на душу населения**

Годовой доход на душу населения	Вероятность преобразования автократии в демократию ^a , деленная на вероятность преобразования демократии в автократию ^b
До \$1000	0,10
\$1001–2000	0,24
\$2001–3000	0,64
\$3001–4000	1,50
\$4001–5000	3,13
\$5001–6000	6,25
\$6001–7000	11,75
Более \$7000	28,33

^a См.: [37, с. 162, табл. 2, P_{AD}].

^b См.: [37, с. 162, табл. 2, P_{DA}].

С повышением уровня доходов наблюдается преобладание переходов к демократии над обратными процессами. Вывод Пшеворски и Лимонжи о том, что переход к демократии обычно происходит случайно, очевидно, некорректен, даже если исходить из их собственных данных.

Вторая проблема в анализе Пшеворски и Лимонжи состоит в том, что они используют дихотомический подход к демократии. Они предполагают, что демократии отвечает некоторый минимальный критерий, такой как проведение свободных выборов: с ними демократия присутствует, без них имеет место автократия. Но это слишком большое упрощение, поскольку большинство современных режимов попадают в серую область между максимумами демократии и автократии. Положение общества в этом континууме нельзя отобразить с помощью дихотомической меры. Даже среди режимов, которые на основании некоторого минимального критерия можно рассматривать как демократические, есть существенные различия по ряду важных требований, таких как свобода прессы, честность выборов и мера соблюдения прав человека. Например, Индия, будучи демократией на основании минимального критерия, не реализует эти требования настолько же качественно, как Япония. С другой стороны, режимы, которые можно обозначить как автократии, поскольку они не проводят свободных выборов, демонстрируют существенные различия в степени репрессивности. Так, Мексика даже в периоды гегемонии Partido Revolucionario Institucional не была настолько репрессивной, насколько таковым является сегодня Китай. Подобные различия могут быть зафиксированы только ранговыми мерами демократических проявлений.

Методологическое обоснование использования дихотомической меры со стороны Пшеворски и Лимонжи также неубедительно. Они утверждают, что дихотомические меры обладают меньшей ошибочной вариацией, чем ранговые. Верно, но при этом важно, насколько велика *ошибочная* вариация по сравнению с *общей* вариацией. Ранговые меры демонстрируют большую ошибочную вариацию, но и большую общую вариацию; таким образом, в

случае ранговых мер соотношение между этими вариациями не обязательно будет хуже. Напротив, анализ, проведенный З.Элкинсом, указывает на то, что ранговые меры стремятся обладать лучшей “номологической валидностью” [16, с. 293–300].

Третья проблема состоит в том, что Пшеворски и Лимонжи совершенно игнорируют культурное измерение модернизации. Это серьезное упущение. Начиная с работ С.Липсета принято считать, что экономическая модернизация способствует демократии, поскольку приводит к изменениям в массовых установках, что и подрывает автократию [31]. Часто описываемые как “гражданская культура” [1] или “культурный модерн” [26] модернизационные установки включают толерантность, взаимное доверие, идеологическую умеренность, субъективное благополучие и акцент на индивидуальном самовыражении [25]. “Культурная модернизация” представляется промежуточной переменной — между экономической модернизацией и демократизацией [22, с. 69]. По логике вещей, так и должно быть. Демократизация — это продукт коллективного действия, а коллективное действие руководствуется коллективными предпочтениями, укорененными в политической культуре [15]. Воздействие экономической модернизации на демократизацию, следовательно, должно осуществляться через воздействие на культурную модернизацию.

Как ни странно, эмпирических данных, подтверждающих этот тезис, отнюдь не много. Анализируя 24 общества на основании данных первого World Values Survey (WVS), Э.Мюллер и М.Селигсон обнаружили мало свидетельств того, что именно массовые модернизационные установки в период между 1972–1980 и 1981–1990 годами обуславливали сдвиги в сторону демократии [35]. Подобным образом и анализ 43 обществ в работе Р.Инглхарта [24], проведенный на основании данных второго World Values Survey, обнаружил, что субъективное благополучие и межличностное доверие благоприятствуют высокому уровню демократии, но не имели значимого влияния на демократические трансформации в течение 1990–1995 годов [см.: 24, с. 181, табл. 6.1].

Казалось бы, что эти выводы противоречат теории модернизации. Однако мы покажем, что они весьма сомнительны вследствие неверной спецификации зависимых и независимых переменных.

2. Зависимая переменная: демократизация

Как Мюллер и Селигсон, так и Инглхарт используют сумму значений показателей гражданских свобод и политических прав (по данным Freedom House) в качестве меры уровня демократии, относящейся к тому или иному периоду. Таким образом, изменение режима операционализируется при помощи сравнения уровней демократии в разные периоды. Первая проблема, касающаяся и первого, и второго исследования, состоит в периодизации измеряемых изменений.

Мюллер и Селигсон пытались проанализировать изменение уровня демократии посредством регрессии среднего уровня демократии в период 1981–1990 годов относительно среднего уровня демократии в 1972–1980 годах. Однако разница между этими периодами по уровню демократии неадекватно представляет исторический курс демократических преобразова-

ний. В основном новые демократии переживали наиболее важные режимные трансформации в период между 1985 и 1995 годами. Несмотря на это, Мюллер и Селигсон группируют первый этап переходного периода (1985–1990) с другим этапом (1981–1985), на протяжении которого эти новые демократии, по большей мере, оставались автократиями; тем самым исследователи усреднили наиболее важные различия. Более того, исследование Мюллера и Селигсона совершенно упускает из виду вторую половину периода переходов (1990–1995). Давайте посмотрим на данные Freedom House, относящиеся к Чили: наиболее яркая характерная черта современной истории Чили — это быстрый рост качества демократии от чрезвычайно низкого уровня в 1987 году до чрезвычайно высокого в 1990-м. Каким образом это представлено в оценках Мюллера и Селигсона? Сравнение уровней демократии в Чили в 1972–1980 годах и в 1981–1990 годах обнаруживает незначительные изменения. Рост качества демократии в период 1987–1990-го усреднен с учетом незначительных проявлений демократических принципов в поздний пиночетовский период, тогда как уровень демократии позднего пиночетовского периода компенсируется значительно более высоким качеством демократии, проявившимся в период до смерти Альенде. В силу смешения подходов наиболее важные изменения режима в течение XX века не фиксируются. Выбор временного периода имеет решающее значение и он должен принимать в расчет “третью волну” демократизации. Выбор же Мюллера и Селигсона представляется совершенно произвольным.

Инглхарт избегает усреднения уровней демократии для длительных периодов. Он создает переменную изменения путем вычисления различий в уровнях демократии между 1995 и 1990 годами. Эти временные рамки также игнорируют первую фазу основного переходного периода (1985–1990). Существенные перемены на Филиппинах, в Южной Корее, Тайване и Чили не находят отражения при таком подходе. Кроме того, в анализе Инглхарта не учтены различия в уровнях демократии, с которыми исследуемые общества вступали в период изменения. Это важнейший момент, поскольку начальный уровень демократии общества определяет нижний предел ранжирования изменений в сторону большей демократии. Для общества, уже близкого к максимальному качеству демократии, вряд ли есть шанс для существенных улучшений. Даже если культурная модернизация была единственной причиной демократизации, может быть обнаружена негативная корреляция между культурной модернизацией и ростом уровня демократии: общество с наиболее модернизированной культурой будет демонстрировать наименьшие изменения в сторону демократии, поскольку оно ранее уже достигло высокого уровня демократии. Следовательно, в данном случае делать вывод о том, что культурная модернизация пагубна для демократизации, было бы серьезной ошибкой интерпретации.

Еще одна методологическая проблема состоит в том, что авторы, использующие данные Freedom House о гражданских правах и политических свободах, просто складывают их, вычисляя среднее двух мер. Однако эффективнее использовать произведение значений этих показателей, чем их сумму. Это связано с тем, что многие страны демонстрируют существенно большие сдвиги в рейтингах политических прав, в рейтингах гражданских свобод. Общемировая доля стран с наиболее высокими рейтингами (6–7) по шкале политических прав выросла с 24% до 46% с 1972-го по 1998 год, в то время как соответствующая доля по шкале гражданских свобод увеличилась только с

23% до 33%¹. Этот феномен отображен на диаграмме (рис. 1), демонстрирующей ежегодную, начиная с 1972 года, разность между количеством стран, которые продвинулись как минимум на два пункта вверх по шкале Freedom House, и количеством переместившихся вниз. Результаты представлены отдельно для политических прав и гражданских свобод. Положительные значения рейтингов указывают, насколько количество стран, переместившихся вверх, больше количества стран, переместившихся вниз. Очевидно, что тенденции для политических прав и для гражданских свобод необязательно совпадают. В частности, в основной фазе перехода рост гражданских свобод существенно ниже, нежели рост политических прав.

Если гражданские свободы и политические права во взаимодействии влияют на развитие демократии, то в измерении нельзя допускать, чтоб высокие значения одного рейтинга компенсировали низкие значения другого. Мы избегаем этого, используя произведение их значений. Иначе мы бы исказили различия между сугубо “электоральными” и действительно “либеральными” демократиями [12]. В случае некоторых сомнительных демократий, таких как в Перу при Фухимори, мы получим приукрашенную картину реализации принципов демократии в случае, если используем среднее вместо произведения. Эти страны демонстрируют высокие значения рейтингов политических прав, но не гражданских свобод. Усредняя подобные различия, мы игнорируем тот факт, что компенсация ограничений в гражданских свободах политическими правами тщетна. Таким образом, авторитарные структуры могут консолидироваться вне плоскости электоральной конкуренции.

Произведение рейтингов гражданских и политических прав сильнее связано с теоретическими коррелятами демократии, чем их средние показатели. Наша мера культурной модернизации (см. 3.3) объясняет 53% вариации качества демократии в 1995–1999, измеренного при помощи произведения рейтингов по данным Freedom House. В то же время, используя средние этих рейтингов, можно объяснить только 44% вариации. Применяя произведения рейтингов Freedom House, мы следуем методологии Р.Зеллера и Э.Карминеса, которые рекомендуют оперировать индикаторами, обладающими большей “номологической валидностью”.

Рисунок 1 показывает, что основная волна трансформаций режимов прошла на протяжении 1985–1995 годов. Однако наше измерение режимных преобразований основано на различии между перемноженными значениями рейтингов Freedom House для каждой страны в 1985 и в 1995 годах². Поскольку произведение значений рейтингов политических прав и гражданских свобод изменяется от 1 до 49, различия между двумя произведениями могут выражаться величиной от –48 до +48, указывающей на пределы изменений и их направление (отрицательной в случае снижения и положительной в случае роста качества демократии). В некоторых случаях, для того чтобы верно отобразить стабильное развитие отдельно взятой страны, вместо кратковремен-

---

¹ Мы перевернули значения рейтингов Freedom House таким образом, что 1 указывает на самый низкий, а 7 — на самый высокий уровень по шкале политических прав и гражданских свобод. Проценты определялись на основании генеральной совокупности всех государств, которым присваиваются рейтинги Freedom House.

² Источник данных: Интернет-страница Freedom House: <http://www.freedomhouse.org>. Описание методов и показателей см. там же.

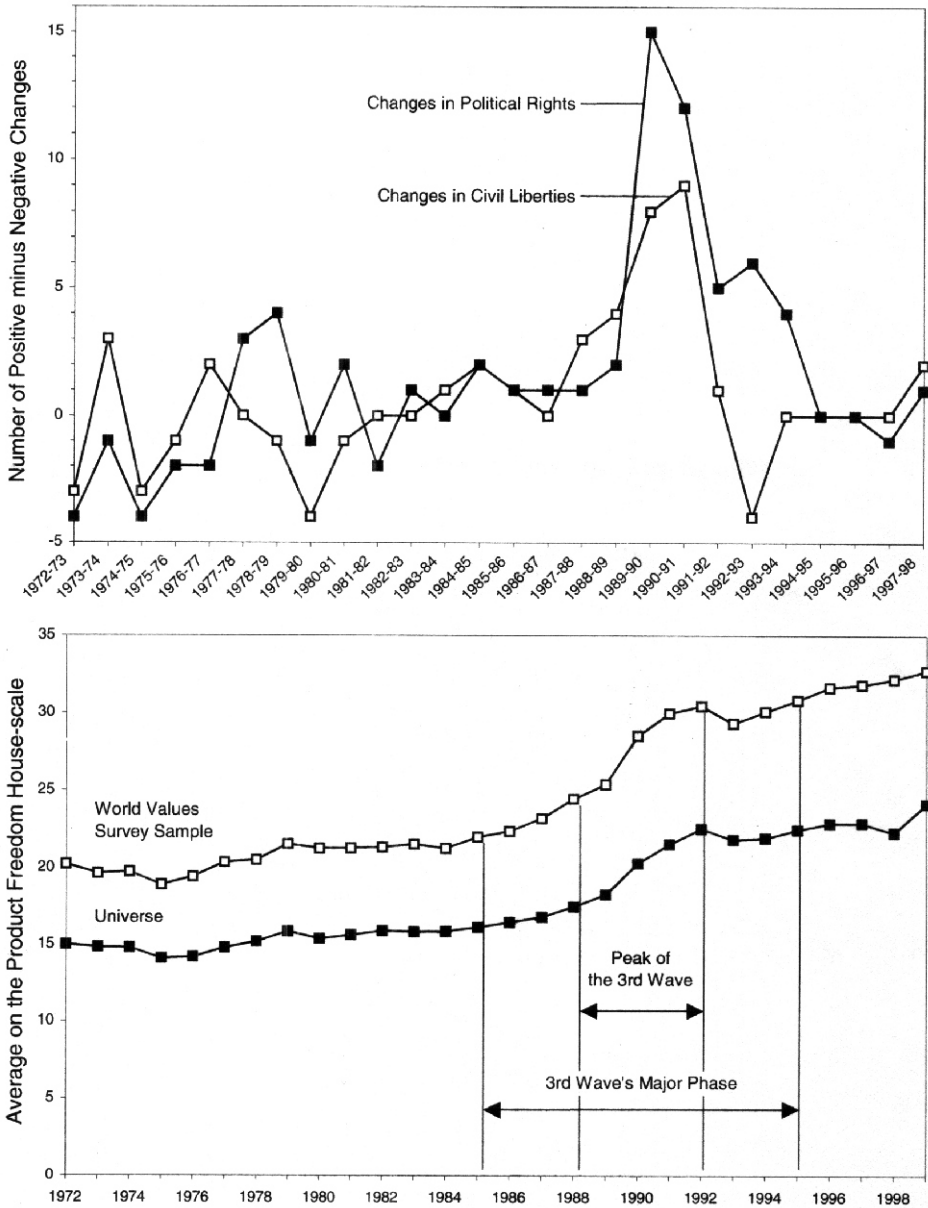

Рис. 1. Глобальный “взрыв” демократии

ных изменений, не выдержавших испытания временем, мы вычисляем указанную меру, используя данные за другие годы, не относящиеся к промежутку между 1985-м и 1995-м. Измерения роста качества демократии в России с 1985-го по 1995 год будут неверными, пока мы не осознаем, что Россия утратила значительную часть прироста качества после 1995-го: стабильные достижения России в отношении качества демократии лучше представлены различиями между 1985 и 1999 годами. Однако мы бы переоценили прирост де-

мократии на Тайване, если бы проигнорировали то, что он продолжался только до 1997 года. Чтобы идентифицировать наиболее значимый период изменений для каждой страны, мы изучили графики произведений значений рейтингов Freedom House за каждый год начиная с 1980-го¹.

Использование несколько иных временных рамок не создает методологических проблем, так как мы не пытаемся предсказать точное время изменения режима. Мы принимаем появление изменения как данное и пытаемся прогнозировать лишь его степень. Зная, что изменение режима зафиксировано в некоторое время между 1980 и 1999 годами, следует выяснить, насколько далеко данные государства продвинулись в направлении к (либо от) демократии в течение этого периода. Нас не волнует, раньше или позже демократизируется та или иная нация. Наша проблема — степень выраженности длительного роста или длительного спада в качестве демократии. Все изменения, анализируемые в данной статье, возникли между 1980 и 1999 годами, и в большинстве своем — между 1985 и 1995 годами.

Мы идентифицировали три исходных типа режимов на основании показателей качества демократии в период, предшествовавший изменениям. Страны со значениями произведений рейтингов Freedom House не выше 9 были классифицированы как исходно авторитарные². Эта категория включает 34 страны (если даты не указаны, то изменения в данном государстве приходится на промежуток времени, о котором речь шла во введении, то есть 1985–1995 годы): Албания (1985–1998), Армения, Азербайджан (1985–1997), Бангладеш, Беларусь (1985–1996), Босния и Герцеговина (1985–1996), Болгария (1985–1996), Чили, Китай, Хорватия, Чехия, Эстония, Восточная Германия, Грузия (1985–1997), Гана (1985–1997), Венгрия, Латвия, Литва, Македония (1985–1998), Молдова (1985–1998), Нигерия (1985–1999), Пакистан (1984–1999), Филиппины (1983–1996), Польша, Румыния, Россия (1985–1999), Словакия (1985–1999), Словения, Южная Африка (1985–1995), Южная Корея, Тайвань (1985–1996), Украина, Уругвай (1980–1995), Югославия (1985–1999).

Страны со значениями произведений выше 9 и ниже 25 классифицируются как “исходно гибридные режимы”. Мексика — единственный случай в данной категории.

И наконец, страны со значениями произведений 25 и выше на 1985 год категоризированы как “исходно демократические”. К ним принадлежат 28 стран: Аргентина (1986–1995), Австралия, Австрия, Бельгия, Бразилия (1986–1997), Канада, Дания, Доминиканская Республика (1985–1998), Финляндия, Франция, Западная Германия, Исландия, Индия (1980–1995), Ирландия, Италия, Япония, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Перу (1988–1997), Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Турция (1987–1996), Объединенное Королевство, США, Венесуэла.

---

¹ Диаграммы могут быть предоставлены интересующимся читателям.

² Ранжированная от 1 до 7 баллов шкала гражданских свобод и политических прав делится нейтральной отметкой (4 балла) на соответствующую авторитариям (1–3 балла) и соответствующую демократиям (5–7) части. Самая высокая оценка для авторитарий — 3 балла; таким образом, 9 (3×3) является верхним пределом для авторитарий на шкале, полученной на основе произведений баллов (см. выше); и наоборот, самой низкой оценкой для демократий является 5 баллов, поэтому 25 (5×5) — нижний предел для демократий на шкале произведений.

В силу того, что нам необходимы данные о культурной модернизации, мы можем проанализировать не все государства, поскольку ограничены выборкой ($N = 61$) второго и третьего World Values Surveys¹. Эта выборка позволяет сделать общие выводы, так как отражает глобальную модель перехода к демократии. Как показано на нижней диаграмме рисунка 1, динамика выборки WVS подчиняется практически той же траектории, что и в случае генеральной совокупности всех государств, тем не менее среднее значение рейтингов демократии в выборке WVS существенно выше, чем в генеральной совокупности. Это отображает ошибку выборки, в которой более весомо представлены *старые* демократии, существовавшие до волны преобразований, и *новые* демократии, возникшие на протяжении этой волны. В результате, в выборке оказались чрезмерно представленными посткоммунистические общества. Но эта особенность делает выборку даже более подходящей для проверки теории модернизации. Конечно, коммунистические режимы разрушились отчасти вследствие своей экономической неэффективности, сдерживавшей модернизацию на более низком уровне, чем могло бы быть при рыночной экономике. Но неэффективность не уравнивает уровни модернизации в разных коммунистических обществах. Эти общества продемонстрировали значительные долговременные различия в уровнях индустриализации, терциаризации², урбанизации и развития коммуникаций, а также образования и дохода на душу населения — от менее развитых стран (таких, как Румыния) до высокоразвитых (таких, как Чехия). Можно было ожидать, что будут обнаружены похожие различия и в уровнях культурной модернизации, поскольку культурная модернизация обычно связана с экономической. На этом основании С.Хантингтон сделал вывод: “В терминах культурной традиции, экономического развития и социальной структуры, Чехословакия, конечно, должна была быть сегодня демократией (возможно, также Венгрия и Польша), если бы над ней не довлело вето советского присутствия” [21, с. 211].

Без коллапса советского империализма никакие волны демократизации не прокатились бы по Восточной Европе в 1989 году. Это несомненно, однако это не опровергает теорию модернизации. Ситуация аналогична тому, о чем мы говорили применительно к экономической неэффективности. Опыт пребывания под эгидой иностранного империализма, экономическая неэффективность и авторитарное правление являются константами, присущими в той или иной мере всем посткоммунистическим обществам. Эти общества представляют собой идеальную область для проверки теории модернизации, позволяя изучать влияние модернизации, на фоне постоянных факторов.

Бывшие коммунистические общества, несомненно, являются единственными новыми демократиями в нашей выборке. Тем не менее, выборка включает группу таких стран, как Чили, Филиппины, Южная Африка, Южная Корея и Тайвань, что делает возможным изучение посткоммунистических обществ наряду с обществами, существенно отличающимися от них историческими и культурными условиями, и, соответственно, проверку применимости наших выводов не только к посткоммунистическим обществам.

1 Информацию о выборке, вопроснике и доступе к данным можно найти на Интернет-странице World Values Study Group: <http://wvs.isr.umich.edu>.

2 См.: Приложение.

3. Предикторы демократизации: экономическая и культурная модернизация

3.1. Экономическая модернизация

В литературе по модернизации наиболее широко в качестве показателя социально-экономического развития используется величина ВВП на душу населения. Другие регулярно используемые индикаторы включают измерения массовой коммуникации и массового образования, наряду с размером сектора услуг, или *“терциаризации”*. Составные показатели, суммирующие несколько аспектов экономической модернизации, используются редко. Это удивительно, поскольку экономическая модернизация — многогранный феномен; его составляющие могут взаимодействовать, стимулируя демократию. Некоторые общества (такие, как страны — экспортеры нефти), демонстрируя исключительно высокое значение ВВП на душу населения, тем не менее занимают низкие позиции по другим показателям, например по уровню массового образования. Они будут демонстрировать усредненные ранговые значения комбинированного показателя модернизации, которые в большей степени согласуются с более низким качеством демократии в них, чем предполагает их уровень ВВП. Подобно этому некоторые посткоммунистические страны, такие как Болгария, демонстрируют неординарно высокие уровни среднего образования, предполагающие более высокое качество демократии, чем можно было бы ожидать, исходя из ВВП на душу населения. Эти примеры подводят к мысли, что комбинированные измерения экономической модернизации могут быть лучшими предикторами сдвигов в направлении демократии, чем любое отдельное измерение. Два таких комбинированных показателя экономической модернизации есть в нашем распоряжении: индекс человеческого развития, разработанный Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), и индекс распределения ресурсов Ванханена (об источниках данных и конструировании шкал см.: Приложение).

3.2. Культурная модернизация

Не существует единого мнения о том, какие показатели наилучшим образом измеряют культурную модернизацию. Действительно, единственное объяснение, почему ни Мюллер и Селигсон, ни Инглхарт не смогли доказать, что культурная модернизация способствует переходу к демократии, связано с выбором культурных переменных. Инглхарт использовал показатели институционального доверия, удовлетворенности жизнью и личного счастья, в то время как Мюллер и Селигсон кроме данных показателей использовали меру политической умеренности. Без сомнения, все это — проявления современных установок гражданской культуры. Но то, что данные установки имеют не много общего с переходом к демократии, едва ли должно удивлять нас. Мы не оспариваем, что доверие, политическая умеренность и удовлетворенность жизнью способствуют функционированию уже сложившейся демократии, как показал Инглхарт¹. Но почему высокий уро-

---

¹ В этом вопросе Р.Инглхарт следует Р.Патнему [38].

вень удовлетворенности, доверия и умеренности должен вести к превращению автократии в демократию? Как раз усиление автократии было бы более вероятным следствием.

В соответствии с теорией модернизации мы будем рассматривать установки, связанные с экономической модернизацией. Эти установки способны возникать при любом типе режима — иначе они бы не смогли, возникая в условиях автократии, обуславливать возникновение новых демократий. И наконец, эти установки должны быть “генетически” связаны с демократией — в противном случае нет причин ожидать, что их рост приведет к распространению массовых притязаний на демократию.

Чтобы найти установки, которые удовлетворяют этим требованиям, необходимо определить стержневой принцип процесса модернизации в целом; только после этого мы сможем вести поиск эквивалента данного принципа в сфере политической культуры. Для этой цели мы предлагаем интерпретацию модернизации, основанную на принципе человеческого развития. А.Сен выдвинул идею человеческого развития [42], однако мы должны более систематично разработать этот концепт (см.: разд. 7).

3.3. Устремления к свободе

Как и А.Сен, мы рассматриваем человеческое развитие с точки зрения роста способности и возможности основываться в своей жизни на собственном выборе. Следовательно, основным моментом модернизации во всех ее взаимосвязанных аспектах является расширение возможностей индивида (*individual empowerment*). В этом суть экономической модернизации, которая дает людям все большие материальные и когнитивные ресурсы вследствие роста доходов, образования и информации. Демократизация — другой аспект увеличения индивидуальных возможностей, наиболее ярко проявляющийся в особом акцентировании либеральных прав. Если экономическое развитие и демократизация вносят вклад в расширение индивидуальных возможностей в материальной и институциональной сферах общества, то как они сказываются в сфере культуры?

Культура — это область массовых устремлений, притязаний и мотиваций. Таким образом, если увеличение индивидуальных возможностей появляется в культурной сфере, это должно отразиться в мотивационной мобилизации людей, ведущей к более честолюбивым массовым устремлениям. Мы утверждаем, что концепт “**ЛИБЕРАЛЬНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ**”, то есть притязания на свободу личности для самоопределения и самоорганизации, достаточно точно представляет такие честолюбивые устремления. Отсюда — расширение индивидуальных возможностей в массовых мотивациях (и следовательно, в политической культуре) присутствует соразмерно с распространением в обществах либеральных устремлений.

Растущие либеральные устремления и представляют искомый аспект культурной модернизации. Мы предполагаем, что: (1) по мере экономической модернизации устремления к свободе становятся все более интенсивными и распространенными; (2) они действуют сходным образом в рамках демократических режимов; (3) они транслируют в массы демократические требования, так как демократия — это тип режима, который предоставляет более широкие возможности для удовлетворения либеральных устремле-

ний¹. (4) Если учесть начальный уровень демократии в том или ином обществе, то устремления к свободе обнаруживают значительный положительный эффект для перехода к демократии, безотносительно к тормозящим внешним факторам, когда бы ни был снят такой “тормоз”.

До настоящего времени никто, в том числе и Инглхарт, не исследовал влияние либеральных устремлений, хотя это, казалось бы, вполне согласуется с его основной теорией постматериалистических ценностных изменений. Действительно, три из шести аспектов, которые он использует для измерения постматериалистических ценностей, касаются либеральных притязаний. В соответствии с нашим теоретическим каркасом мы предполагаем, что устремления к свободе должны обладать более сильным влиянием на переход к демократии, чем любой другой из упомянутых аспектов — действительно, они должны обладать более сильным эффектом, чем любая другая продемократическая установка. Постматериалистические ценности измеряются при помощи одного блока, состоящего из трех групп вопросов, каждая из которых предлагает респондентам выбор между двумя материалистическими и двумя постматериалистическими аспектами. Три из шести постматериалистических аспектов относятся к политическим и гражданским свободам: “возможность выражать свое мнение о важных правительственных решениях”, “защита свободы слова” и “свидетельства того, что люди могут открыто говорить о происходящем у них на работе или в их общине”. Респонденты могут приписывать каждому аспекту первостепенную значимость, второстепенную или же никакой. В зависимости от того, каким образом респонденты ранжировали эти аспекты, мы определяем меру их либеральных устремлений и по шестибальной шкале получаем значение индекса от 0 (самый низкий уровень) до 5 (самый высокий уровень устремлений к свободе). При расчете средних по выделенным группам этот порядковый индекс переводится в непрерывную шкалу. Мы используем общенациональные средние как индикаторы массовых устремлений к свободе в том или ином обществе.

Либеральные устремления разнятся внутри того или иного общества, но в каждом опросе ответы демонстрируют распределения с одним максимумом, центрированные на медиане. Таким образом, национальные средние отображают основные тенденции в массовых устремлениях к свободе².

Устремления к свободе отличаются от постматериалистических ценностей как концептуально, так и с точки зрения измерения. В постматериалистических ценностях устремления к гражданским и политическим свободам сопряжены с притязаниями на достойное качество жизни в экологичес-

---

¹ Нарастание либеральных устремлений должно преодолеть преграды, блокирующие коллективное действие, чтобы сделать возможной демократизацию. Подобные преграды особенно трудно преодолеть, когда автократию поддерживают внешние силы. Но если эти преграды устранены, вполне вероятно, что устремления к свободе воплотятся в образовании групп, стремящихся к демократии, и в соответствующих действиях, и с успехами демократизации эта тенденция будет возрастать пропорционально силе либеральных устремлений.

² Мы допускаем, что общенациональные сводные показатели данных массовых опросов иногда скрывают большие межгрупповые вариации внутри обществ. Однако это не означает, что национальные сводные показатели данных массовых опросов никак не связаны со структурными социетальными характеристиками, такими как демократия. Как мы продемонстрируем ниже, такие связи существуют.

ком, эстетическом и этическом измерениях. Эти два типа устремлений можно рассматривать как один концепт — постматериализм, рассматривая культурное изменение в целом. Но сосредоточивая внимание на демократизации, следует разделять устремления к свободе от иных устремлений. Приоритет экологического, эстетического и этического измерений качества жизни является тем устремлением, которое характерно для постиндустриального общества, тогда как устремления к свободе могут развиваться намного раньше. Предвосхищая один из наших выводов, отметим, что для отношения между уровнями массовых устремлений к свободе и качеством национальных демократий в 1995–1999 коэффициент корреляции Пирсона равен 0,72 ($N = 60$), тогда как для отношений между притязаниями на достойное качество жизни и должное качество демократии — 0,30. Следовательно, различие между двумя компонентами постматериализма теоретически и эмпирически значимо¹.

В 41 из 61 общества мы измерили устремления к свободе на основе данных второго World Values Survey, проводившегося в 1990–1991. Поскольку предполагается, что переход к демократии зависит от либеральных устремлений, фиксируемых в период этих изменений, данные 1990–1991 годов об устремлениях к свободе можно считать валидными. В других 20 обществах данные об этих устремлениях доступны только по третьему WVS, проводившемуся в 1995–1998 годах. Использование этих данных не всегда проблематично. Кросс-национальные различия в устремлениях к свободе весьма стабильны на протяжении коротких временных интервалов, таких как пятилетний период между второй и третьей волной WVS. В 30 случаях, для которых доступны оба измерения, корреляция между устремлениями к свободе второй и третьей волны составляет 0,90: данные об этих устремлениях по разным странам за 1995–1997 приблизительно отражают ситуацию 1990–1991 годов. Поэтому мы используем единую меру либеральных устремлений для всех 60 наций в рамках одной выборки.

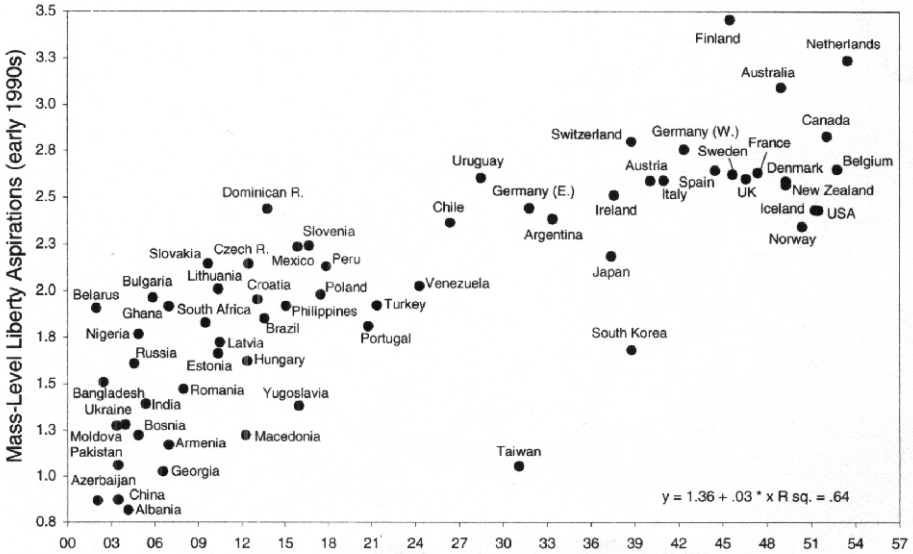
На рисунке 2(а) видно, что устремления к свободе действительно объясняют большую часть вариативности в переходах от автократии к демократии. В случае “исходных автократий” устремления к свободе объясняют 65% прироста в качестве демократии (или 60%, если учитывать Беларусь и Хорватию)²; в случае “исходных демократий” устремления к свободе объясняют 59% их сопротивляемости снижению качества демократии (или 50%, если учитывать Финляндию, Индию и Португалию). Кроме того, кросс-национальные различия в либеральных устремлениях сами по себе могут объясняться вариациями в уровнях экономической модернизации, что видно на рисунке 2(б), где по оси абсцисс отобразена кросс-национальная вариация

¹ Устремления к свободе включают один аспект (“создание условий, когда люди имеют больше возможностей принимать решения по поводу происходящего у них на работе и по месту жительства”), который не включен в показатель постматериализма в узком смысле. Изъятие этого аспекта из показателя устремлений к свободе снижает корреляцию с качеством демократии в 1995–1999 годах до 0,62.

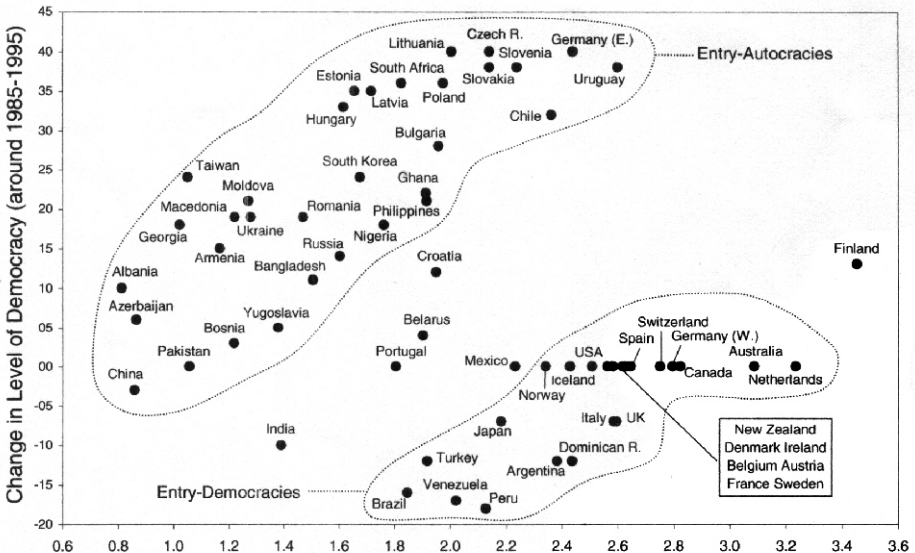
² Беларусь и Хорватия, а также ряд стран от Пакистана до Филиппин на рисунке 2 (верхний график) демонстрируют меньшее воздействие устремлений к свободе на демократизацию. Уровень устремлений к свободе в этих обществах демонстрирует более высокую внутринациональную вариативность, чем в большинстве других стран.

тивность в распределении экономических ресурсов (описание этого показателя см. в Приложении).

Это соответствует нашим гипотезам. Однако указанных двух измерений недостаточно для подтверждения наших доводов. Необходимо проконтролировать влияние других переменных, общепризнанных в качестве коррелятов демократии. Мы используем эти переменные как контрольные предикторы в регрессионном анализе.

(a) Economic Resource Distribution (about 1990)

(b) Mass-Level Liberty Aspirations (early 1990s)

Рис. 2. Влияние устремлений к свободе на изменения в сторону демократии и влияние экономического развития на устремления к свободе

4. Альтернативные предикторы демократизации

Альтернативные предикторы, вместе с нашими основными предикторами, представлены в таблице 2. Подробное описание построения шкалы и используемые переменные приведены в Приложении 1. Мы постарались включить все предикторы, которым в литературе приписывается значимая роль в развитии демократии. Кратко скажем о тех причинах, по которым предполагается, что эти показатели связаны с демократией¹. Предикторы можно разделить на три группы: социоструктурные, политико-культурные и отражающие международную обстановку.

Таблица 2

Парные корреляции с демократизацией: коэффициент Пирсона R (N)

Корреляты	Исходные автократии		Исходные демократии	
	2	3	4	5
1				
Социальная структура				
Благосостояние (ВВП на душу населения)	0,44*	(31)	0,69***	(28)
Образование: годы обучения	0,61**	(27)	0,67***	(28)
Образование: вовлеченность в третичный сектор	0,39*	(27)	0,33	(26)
Терциаризация (сектор услуг)	0,66***	(29)	0,53**	(28)
Индекс человеческого развития (ИЧР)	0,58**	(30)	0,61**	(28)
Распределение экономических ресурсов	0,45*	(31)	0,75***	(27)
Неравенство доходов: доля доходов самого бедного квантиля:	-0,12	(13)	0,52*	(22)
Неравенство доходов: соотношение доходов наиболее бедного и наиболее богатого квантилей	0,31	(13)	-0,2*	(22)
Этническая поляризация	-0,06	(34)	-0,6*	(28)
Языковое расслоение	0,04	(33)	0,05	(28)
Протестантизм	0,42*	(32)	0,52*	(27)
Западное культурное наследие	0,65***	(33)	0,19	(28)
Исламизм	-0,57	(30)	0,4	(28)
Религиозное расслоение	-0,03	(33)	0,23	(27)
Функциональные возможности государства: поступления от сбора налогов	0,60*	(13)	0,66***	(25)
Функциональные возможности государства: издержки на государственные нужды	0,27	(28)	0,65***	(26)
Милитаризм: доля военнослужащих	-0,24	(31)	0,19	(27)
Милитаризм: доля военных ассигнований	-0,50**	(27)	-0,4	(27)
Политическая культура				
Устремления к свободе	0,73***	(34)	0,69***	(28)
Удовлетворенность жизнью	0,28	(33)	0,57**	(28)

¹ Более подробно об аргументах, относящихся ко всем этим предикторам, см. в: [9, гл.5].

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Толерантность: в сексуальной сфере	0,39*	(33)	0,54**	(27)
Толерантность: в этнической сфере	-0,31	(32)	0,28	(27)
Протестное поведение	0,36*	(32)	0,52**	(28)
Межличностная эмпатия	0,11	(31)	0,64	(16)
Взаимное доверие	-0,12	(34)	0,73***	(28)
Социальные связи: дружба	-0,21	(34)	0,25	(28)
Институциональное доверие: к институтам власти	-0,31	(34)	0,34	(28)
Институциональное доверие: к политическим институтам	-0,30	(31)	0,14	(17)
Политическая умеренность	-0,02	(34)	0,17	(28)
Интерес к политике	0,41*	(34)	-0,8	(28)
Общественная деятельность	0,04	(31)	-0,4	(28)
Религиозность	-0,10	(33)	-0,9***	(28)
Международная обстановка				
Диффузия	0,74***	(34)	-0,1	(28)
Мир-системная позиция (экспорт на душу населения)	0,67***	(32)	0,76***	(28)

Уровни значимости: * $p < 0,10$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Социоструктурные предикторы включают несколько показателей экономической модернизации: БЛАГОСОСТОЯНИЕ (ВВП на душу населения); ОБРАЗОВАНИЕ — годы стационарного обучения, вовлеченность в третичный сектор (*tertiary enrollment*); ТЕРЦИАРИЗАЦИЯ — доля сектора обслуживания, а также два составных индикатора — ИНДЕКС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (ИЧР) и ИНДЕКС ВАНХАНЕНА — показатель распределения экономических ресурсов.

Предикторами, позволяющими контролировать влияние экономической модернизации, являются сегментированные показатели: РАВЕНСТВО ДОХОДОВ (доля доходов наименее богатого квантиля и соотношение доходов самого бедного и наиболее богатого квантилей), ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ (доля второй по численности этнической группы), ЯЗЫКОВОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ РАССЛОЕНИЕ. Эти предикторы, как принято считать, отображают пагубные для демократии факторы. Следующая группа предикторов отображает религиозные традиции. Немало авторов настаивают на том, что ПРОТЕСТАНТИЗМ (процент протестантов) либо ЗАПАДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ (процент протестантов и католиков) способствуют демократии, тогда как ИСЛАМ (процент мусульман) — нет. И наконец, считается, что относительно высокие ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГОСУДАРСТВА (поступления от сбора налогов и издержки на государственные нужды) играют большую роль в функционировании демократии. С другой стороны, МИЛИТАРИЗМ (количество военнослужащих на душу населения, доля военных ассигнований) рассматривается как противоречащий развитию демократии.

К показателям политической культуры, которым приписывается связь с демократией, принадлежат: **УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ**, **ТОЛЕРАНТНОСТЬ** (в терминах этничности и сексуальной ориентации), **ПРОТЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ**, **МЕЖЛИЧНОСТНАЯ ЭМПАТИЯ**, **ВЗАИМНОЕ ДОВЕРИЕ**, **ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ** (доверие к политическим институтам власти), **ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ**, **СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ**, **ПОЛИТИЧЕСКАЯ УМЕРЕННОСТЬ** и **ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ**. Эти показатели отображают культурную модернизацию, гражданскую культуру, социальный капитал или присутствие “демократических личностей” в массовой культуре [1; 38]. Но, как мы уже отмечали, в отличие от устремлений к свободе, что касается данных устремлений, не ясно, какова их связь с демократией — либо они поддерживают уже существующую демократию, либо сами происходят из предшествующего опыта демократии, либо вносят реальный вклад в превращение автократии в демократию. Еще один предиктор, **РЕЛИГИОЗНОСТЬ**, в большей мере отражает культурный традиционализм, чем культурную модернизацию. Поэтому считается, что этот индикатор негативным образом связан с демократией.

Отдельная группа предикторов отображает международную обстановку. Приверженцы мир-системного анализа говорят о том, что позиция общества в глобальной экономике определяет шансы его демократизации: чем ближе статус страны к центру мировой экономики, тем больше возможностей поддержания демократии [5]. Мы оцениваем позицию общества по отношению к центру мировой экономики (**МИР-СИСТЕМНАЯ ПОЗИЦИЯ**) по доле экспорта на душу населения. Другая широко обсуждаемая международная переменная — диффузия. Многие авторы говорят о том, что волны демократизации индуцируются через региональную цепную реакцию, когда преобразования в одной стране запускают похожие изменения в соседних странах. Мы измеряем **ДИФФУЗИЮ**, приписывая каждой стране среднее арифметическое демократических преобразований в ее регионе¹.

5. Конкурирующие предикторы демократических преобразований

Многие результаты, содержащиеся в представленных ниже таблицах, заслуживают обсуждения; однако мы сосредоточимся на предмете нашего теоретического интереса: влиянии экономической и культурной модернизации, в частности либеральных устремлений. Мы будем обсуждать только те результаты, которые имеют к этому отношение. Можно сделать вывод, что индикаторы экономической модернизации (терциаризация в случае исходных автократий, распределение ресурсов в случае исходных демократий) и наш показатель культурной модернизации (распределение устремлений к свободе для обоих исходных случаев) являются наиболее значимыми и наиболее сильными коррелятами изменения режима. Следующий вопрос состоит в том, подтверждаются ли наши выводы при множественной регрессии.

Регрессионный анализ трансформации режима для всех этих предикторов связан с проблемой большого количества переменных и малого количества наблюдений. Поэтому, чтобы использовать наши предикторы в обобщенной модели, необходимо преодолеть несколько ограничений. Наш пер-

¹ Сходное измерение использовано в: [18].

вый шаг состоял в оценке отдельных уравнений для трех типов предикторов, с тем чтобы построить частные модели социоструктурных, политико-культурных и международных эффектов. Это приводит к созданию шести таких частных моделей — трех для исходных автократий и трех для исходных демократий. Частные модели приведены в таблице Приложения. В качестве второго шага мы выбрали только те предикторы, которые оказались значимыми в обоих случаях (как свидетельствует таблица 2). Этническая поляризация, к примеру, не была представлена в социоструктурной модели для исходных автократий, однако была включена в модель для исходных демократий. Третий шаг позволил нам исключить предикторы, по которым значительно уменьшается количество наблюдений. Это относится к неравенству доходов в автократиях, насчет которого имеются данные только для 13 из 34 случаев. Четвертый шаг состоял в применении метода обратного удаления (backward deletion) в регрессионной процедуре, элиминирующего наименее значимые предикторы на каждом шагу — до тех пор, пока не остались только значимые предикторы. Предикторы, которые преодолели указанные ограничения, были квалифицированы для сводных моделей.

Сводные модели представлены в таблице 3. В каждом случае, когда не было исходных данных для того или иного предиктора, этот предиктор оценивался для частной модели, но был исключен из нее в результате процедуры удаления задним числом. Прочерки означают, что предиктор присутствовал в сводной модели, но здесь исключен методом обратного удаления. Во всех моделях мы рассчитываем коэффициент разбухания дисперсии (*VIF*) для каждого предиктора, с тем чтобы обнаружить мультиколлинеарность. Ни в одной модели эти факторы не превысили значение 5,0. Таким образом, наши результаты не искажаются мультиколлинеарностью¹. Кроме того, мы использовали статистики *DFFIT*, чтобы выявить *наблюдения, выходящие за рамки тенденции*, а также особо значимые наблюдения. Такие неординарные случаи обнаруживают себя, когда статистики *DFFIT* превышают определенное значение в зависимости от количества наблюдений и предикторов².

Вместо исключения неординарных случаев мы применили “уравнение ограниченного значения разбухания дисперсии инфляции”, используя веса для таких случаев, рассчитанные на основании *DFFIT*а. В случае неординарных наблюдений “ограничение влияния” необходимо для того, чтобы сделать результаты OLS надежными [см.: 13; 34]. Хотя взвешенные наименьшие квадраты трудно отличимы от полученных в результате простой регрессии наименьших квадратов, для нас методологически предпочтительно использовать именно взвешенные наименьшие квадраты. Неординарные наблюдения и их веса представлены в таблицах.

¹ Коэффициент разбухания дисперсии измеряет коллинеарность между предикторами. Принято считать, что значения должны оставаться ниже 5,0; в противном случае абсолютные значения коэффициентов являются фальсифицированными [29, с. 869]. Формула коэффициента разбухания дисперсии: $VIF = 1/(1 - R_j^2)$.

² *DFFIT* отображает для каждого наблюдения шкалированное изменение в модели, соответствующее случаю, когда это наблюдение удаляется. Формула выглядит следующим образом: $DFFIT_i = \sqrt{(h_i / (1 - h_i)) \times e_i}$, где h_i — среднее i -го наблюдения, e_i — его стандартизированный остаток. Точка отсчета (the cutting point) для классификации наблюдений как неординарных: $2 \times \sqrt{(k + 1)/(n - k - 1)}$, где k — количество предикторов, n — количество наблюдений. См.: [45, с. 164–167].

Таблица 3

Определение влияния структурных, культурных и международных факторов на изменение в сторону демократии: сводные модели

Предикторы	Исходные автократии				Исходные демократии			
	<i>B</i>	(<i>SE</i>)	part <i>R</i> .	<i>VIF</i>	<i>B</i>	(<i>SE</i>)	part <i>R</i> .	<i>VIF</i>
Социальная структура								
Терциаризация (сектор услуг)	–	–	–	–	–	–	–	–
Распределение экономических ресурсов	–	–	–	–	–	–	–	–
Западное христианство	–	–	–	–	–	–	–	–
Исламизм	–	–	–	–	–	–	–	–
Функциональные возможности государства: издержки на государственные нужды	–	–	–	–	–	–	–	–
Милитаризм: военные ассигнования	–0,54**	(0,15)	–0,63	1,48	–	–	–	–
Политическая культура								
Либеральные устремления	14,07***	(2,09)	0,84	2,08	6,44**	(2,21)	0,54	1,54
Взаимное доверие					12,39*	(6,97)	0,36	2,09
Религиозность					–1,23*	(0,64)	–0,39	1,94
Интерес к политике	–	–	–	–	–	–	–	–
Международная обстановка								
Диффузия	0,25**	(0,07)	0,66		–	–	–	–
Мир-системная позиция: экспорт на душу населения	1,76*	(0,80)	0,45		–	–	–	–
<i>Константа</i>	–9,51**	(3,48)			–16,37*	(8,08)		
Коэффициент детерминации <i>R</i> (скорректированный)			0,93				0,69	
<i>N</i>			26				28	
	Взвешенные наименьшие квадраты: веса для Китая (0,92), России (0,16)				Взвешенные наименьшие квадраты: вес для Португалии (0,62)			

Сводные модели объясняют меньшую вариативность в изменениях режима для исходных демократий (69%), чем для исходных автократий (93%). Возможно, это отображает тот факт, что в пору триумфа демократизации демократические общества не сталкивались с такими серьезными вызовами, как автократии. Однако, исходя из наших теоретических положений, наиболее важный результат состоит в том, что либеральные устремления являются единственной переменной, прошедшей все селекционные процедуры как для исходных автократий, так и для исходных демократий. Устремления к свободе являются наиболее значимым предиктором для обоих типов обществ. И как демонстрирует частичная корреляция, либеральные устремления объясняют наибольший объем вариативности изменений режима. Опять же это верно как для исходных автократий, так и для исходных демократий.

При контроле устремлений к свободе эффект экономической модернизации (который был значимым для частных моделей) становится незначимым. Экономическая модернизация представляется значимой только в той мере, в которой она способствует росту либеральных устремлений. Такие устремления на массовом уровне позволяют говорить как о характере перехода к демократии от автократии, так и об устойчивости демократических институтов в уже устоявшихся демократиях. Эти результаты противоречат утверждению А.Пшеворски и Ф.Лимонжи о том, что модернизация не вносит вклад в становление демократии. Подобным образом наши выводы заставляют усомниться в результатах Э.Мюллера и М.Селигсона, а также в более ранних результатах Инглхарта, согласно которым массовые аттитюды не оказывают серьезного влияния на сдвиги будь то в направлении к демократии или же к автократии. Похоже, что либеральные устремления стали решающим фактором третьей волны демократизации.

6. Истоки либеральных устремлений

Мы предполагаем, что экономическая модернизация способствует росту устремлений к свободе в обществе независимо от прошлого опыта автократии или демократии. Это предположение имеет решающее значение, при определении, приводят либеральные устремления к демократии или наоборот. С тем чтобы доказать, что либеральные устремления каузально предшествуют демократии, мы должны продемонстрировать, что устремления к свободе не детерминированы *предшествующим* опытом демократии, при условии контроля в отношении экономической модернизации.

Мы проверяем это предположение на основании регрессии устремлений в соотношении с различными показателями предшествующего уровня демократии и экономической модернизации. Кроме того, мы используем западное культурное наследие в качестве контрольного предиктора. Таким образом, регрессия обобщает три возможных источника либеральных устремлений: экономическое развитие, опыт режима и культурную традицию. Результат, представленный в таблице 4, очевиден: при контроле в отношении экономической модернизации предыдущий опыт демократии не *оказывает* существенного влияния на устремления к свободе, но экономическая модернизация обнаруживает сильное воздействие, даже при условии контроля в отношении демократии и западного культурного наследия.

Таблица 4

**Влияние экономической модернизации
и опыта демократии на либеральные устремления
при контроле фактора религиозной традиции**

Предикторы	Исходные автократии				Исходные демократии			
	<i>B</i>	(<i>SE</i>)	part <i>R</i> .	<i>VIF</i>	<i>B</i>	(<i>SE</i>)	part <i>R</i> .	<i>VIF</i>
Время непрерывного опыта демократии (количество лет)	–	–	–	–	–	–	–	–
Качество демократии, 1981–1990	–	–	–	–				
Качество демократии, 1981–1985					–	–	–	–
Распределение экономических ресурсов	0,02***	(0,003)	0,72	1,31	0,02***	(0,003)	0,72	1,31
Западное христианство	0,01**	(0,001)	0,46	1,31	0,01**	(0,001)	0,46	1,31
<i>Константа</i>	1,34***	(0,09)			1,34***	(0,09)		
Коэффициент детерминации <i>R</i> (скорректированный)			0,70				0,70	
<i>N</i>			0,52				0,52	
	Взвешенные наименьшие квадраты: веса для Албании (0,83), для Финляндии (0,85)							

Наши выводы почти не оставляют места для альтернативной каузальной интерпретации. Несколько доводов делают невозможной контраргументацию в пользу того, что устремления к свободе являются исключительно следствием демократии. Мы только что продемонстрировали, что предшествующий опыт демократии не оказывает существенного влияния на либеральные устремления. Такие устремления в основном зависят от различий в экономическом развитии в долговременной перспективе. Более того, доступные данные указывают на то, что устремления к свободе сами по себе относительно устойчивы во времени, демонстрируя постепенный рост вместе с экономическим развитием. Устойчивость сама по себе свидетельствует против обратной причинной зависимости: стремительная смена режима, имевшая место между 1985 и 1995 годами, не могла обусловить различия в либеральных устремлениях, существовавшие ранее и сохраняющиеся со временем. Наши результаты указывают на доминирующий (хотя не единственный) причинно-следственный вектор: от экономического развития к росту устремлений к свободе и к демократии.

7. Связь между модернизацией и демократизацией сквозь призму человеческого развития

Само по себе статистическое подтверждение доминирующей причинно-следственной зависимости не дает теоретического объяснения. Поиск такого объяснения возвращает нас к логике процесса модернизации. Многие авторы рассматривают причины взаимосвязи между экономическим развитием и демократией, демократией и гражданскими ценностями или же гражданскими ценностями и экономическим развитием. Но их доводы касаются отдельно каждой двусторонней связи. Даже наиболее разносторонние исследования раскладывают эту трехстороннюю связь на двусторонние отношения, обсуждаемые независимо одно от другого¹. Поскольку теория должна подняться на более общий уровень, нежели те отношения, которые она пытается объяснить, постольку она не может сводиться к интерпретации связи модернизации и демократизации. Необходимо дать объяснение одного из наиболее важных фактов, обнаруженных в кросснациональном исследовании, а именно того, что экономическое развитие, гражданская культура (в частности, устремления к свободе) и демократия представляют собой единую область социальной реальности.

Это можно продемонстрировать при помощи разных видов факторного анализа. Независимо от того, используем ли мы все показатели, доступные для более чем 50 наблюдений, или только те, которые определяются как значимые в сводных моделях, результат остается неизменным (см. табл. 5). И экономическое развитие, и устремления к свободе, и демократия демонстрируют наибольшие факторные нагрузки в соотношении с первым из основных компонентов. Они формируют надежное и хорошо различимое измерение в разных вариантах разведывательного факторного анализа.

Какое измерение отображают эти переменные? Ответ очевиден: “модернизацию”. Но тогда нам необходимо определить сущностное значение этого термина, специфицирующее отношение каждой переменной к этому основополагающему основанию. Что же является общим знаменателем экономического развития, устремлений к свободе и демократии?

Мы предполагаем, что эти переменные вместе взятые связаны с расширением возможностей человека. Экономическое развитие способствует самостоятельности индивида, открывая доступ к ресурсам, либеральные устремления отражают мотивационную автономию, обуславливающую рост массовых притязаний на самоопределение; демократия несет с собой институциональную автономию, гарантируя политические права и гражданские свободы. Эти переменные объединяются принципом увеличения индивидуальных возможностей (см. табл. 6). Мы определяем это основание как ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, поскольку рост автономии личности вносит вклад в развитие присущего обществу человеческого потенциала. Растет доля людей, обладающих большими способностями, более сильной мотивацией и более широкими возможностями для реализации своих талантов и склонностей. Человеческое развитие не обязательно имеет линей-

---

¹ Таким образом, наиболее исчерпывающим исследованием взаимоотношений между экономическим развитием, культурным наследием и демократическими институтами является работа Инглхарта и Бейкера: [25].

ный характер. Напротив, указанные три компонента человеческого развития обнаруживают тенденцию к сопряженному изменению — как в спадах, так и в подъеме; общества с высокими или низкими значениями одного из этих составляющих, как правило, имеют, соответственно, высокие или низкие значения остальных составляющих.

Таблица 5

**Факторные нагрузки основных компонентов
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ***

Предикторы	Фактор 1: Человеческое развитие	Фактор 2: Этническая разобщенность	Фактор 3: Религиозная общность
Распределение экономических ресурсов	0,89	-0,22	
Устремления к свободе	0,87		0,17
Качество демократии (1995–1999)	0,86		-0,14
Взаимное доверие	0,66	-0,19	-0,28
Этническая поляризация	-0,17	0,86	0,19
Языковое расслоение	-0,14	0,85	
Религиозность	-0,33	0,11	0,83
Общественная деятельность	0,19	0,20	0,76
Исламизм	-0,44	-0,38	0,54
Объясненная вариативность	40%	19%	

* Приведенные факторные нагрузки получены в результате анализа с вращением varimax. Значения менее 0,10 пропущены; мера Кайзера–Майера–Олкина: 0,62; N = 56.

Такая концепция центрального звена модернизационной связи позволяет осмыслить проблему причинных зависимостей в более общей перспективе. Решающий вопрос таков: *указывает ли логика личностной автономии на какие-либо каузальные приоритеты в формировании его компонентов?*

В плоскости развития личностной автономии экономическое развитие вносит свой вклад в виде доступа к ресурсам, либеральные устремления дают импульс притязаниям, а демократия открывает возможности, связанные с либеральными правами. Таким образом, логика подсказывает два каузальных приоритета: доступ к ресурсам способствует росту притязаний и, тем самым, стимулирует рост возможностей.

Первый приоритет логически оправдан тем, что ресурсы полагают предел притязаниям, которые могут быть успешно реализованы. Для человека нерационально стремиться к целям, которые явно находятся вне сферы достижимости. Многочисленные исследования в существенно разнящихся странах обнаруживают, что люди с относительно ограниченными экономическими и когнитивными возможностями придают меньшее значение политическому участию¹. Люди не очень склонны стремиться к недостижимому. И наоборот, более амбициозные притязания, например связанные с постматериалистическими ценностями, чаще всего проявляют люди с более широкими эконо-

¹ Источники данных см.: [2; 10; 17; 27] и др.

мическими и когнитивными возможностями¹. Сходным образом и *устремления к свободе* обнаруживают тенденцию быть в большей мере присущими людям с большими либеральными правами². Поскольку экономическое развитие увеличивает доступ к ресурсам, постольку оно обуславливает рост притязаний. Поэтому общественность в странах с более высоким уровнем экономического развития демонстрирует большие устремления к свободе. Это соответствует логике *роста индивидуальных свобод: реальные возможности задают параметры эффективных требований*.

Таблица 6

Компоненты ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (ЧР)

	Экономический компонент	Культурный компонент	Институциональный компонент
Измерения компонентов ЧР	Ресурсы	Либеральные устремления	Либеральные права
Сферы формирования компонентов ЧР	Социально-экономическая структура	Политическая культура	Институты режима
Процессы, формирующие компоненты ЧР	Экономическое развитие	Изменение ценностей	Демократизация
Вклад компонента в ЧР	Развитие индивидуальных возможностей, опосредованное увеличением доступа к ресурсам	Развитие индивидуальных возможностей, опосредованное ростом притязаний	Развитие индивидуальных возможностей, опосредованное расширением прав
Каузальные приоритеты в формировании компонентов	Доступ к ресурсам	Притязания	Индивидуальные возможности
Фокальная точка конвергенции всех компонентов	Развитие индивидуальных возможностей на массовом уровне = уровень человеческого развития в рамках данного общества		

Второй каузальный приоритет — притязаний по отношению к возможностям — также логичен, поскольку притязания задают параметры требований к имеющимся возможностям. В процессе перехода к демократии *либеральные устремления* действуют как функция “спроса” (на либеральные права), тогда как *демократия* сама по себе — как функция “предложения” (либеральных прав). Если притязания в основном подпитываются доступом к ресурсам, то неадекватный уровень демократии отнюдь не ограничивает рост “спроса” на демократию. Например, в Чехословакии на протяжении многих десятилетий был намного более низкий уровень демократии, нежели в Индии, но, тем не менее, в Чехословакии сформировался существенно больший уровень устремлений к свободе, отвечающий более высоко-

¹ Эти результаты изложены в: [6; 23; 41].

² В 95% национальных исследований WVS — начиная с Нигерии и Китая и заканчивая Швецией — существует позитивная зависимость между устремлениями к свободе и уровнями дохода и образования.

му уровню экономического развития. Данное отношение не является жестко детерминированным. Но поскольку существует эмпирическая связь между либеральными устремлениями и демократизацией, более оправданно приписывать каузальный приоритет устремлениям к свободе: “спрос” на свободу влияет на параметры, определяющие возможность ее достижения.

Логика личностной автономизации подразумевает каузальный приоритет ресурсов над притязаниями и приоритет притязаний над правами. Эти приоритеты отображают доминирующую (хотя не единственную) причинно-следственную цепочку — от экономического развития к либеральным устремлениям и к демократии. Позитивная обратная связь, образующая дугу в обратном направлении, также возможна, что и создает внутренне нарастающий цикл человеческого развития. Как логика роста личностной автономии, так и статистические ее подтверждения указывают на то, что основные наши выводы соответствуют последовательности процесса человеческого развития.

Выводы

Наш анализ основан на наибольшей выборке, когда-либо использованной для анализа влияния культурной модернизации на демократизацию. Кроме того, мы впервые использовали переменную изменений, основанную на установленном для каждого государства временном промежутке в его продвижении по направлению в сторону демократии либо в обратном направлении в пределах последних 20 лет. Мы сосредоточили свое внимание на основном проявлении культурной модернизации: либеральных устремлений на массовом уровне — переменной, которая до сих пор в эмпирических исследованиях режимных переходов игнорировалась. Наше внимание было сосредоточено на роли устремлений к свободе в соотношении с концептом человеческого развития, выходящим за рамки общепринятой теории модернизации. Обычно теоретические концепты не способны сочетать одновременное увеличение полноты и спецификации объяснения. Но концепт человеческого развития позволяет это сделать. С одной стороны, человеческое развитие является всесторонним концептом, интегрирующим изменения в трех сферах жизнедеятельности общества: социально-экономических структурах, политической культуре и институтах политического режима. С другой стороны, данный концепт специфичен, так как интегрирует изменения в этих сферах в едином основании — *развитии индивидуальных возможностей*. И наконец, самое главное — принцип развития индивидуальных возможностей предполагает более общую логику каузальных приоритетов в экономическом развитии, формировании либеральных устремлений и становлении демократии (что подтверждается статистическими данными).

Наш анализ неординарен в том, что мы соотносим степень изменения по одной переменной с различиями в уровнях — по другой. Таким образом нам удалось продемонстрировать статистическое соотношение между относительно стабильной переменной (культурная модернизация) и другой переменной, способной изменяться стремительно (демократия). По логике вещей, для такого рода отношений существует лишь одна каузальная интерпретация. Стремительные изменения не могут служить причиной существовавших ранее долговременных различий в уровнях развития.

Однако различия в уровнях могут обуславливать разную степень изменений, если какой-либо третий фактор (такой, как международная поддержка политического режима) снимает “блокирование”, препятствовавшее тому, чтобы различия в уровнях развития привели к соответствующим изменениям. Отсюда можно объяснить степень *изменения* политического режима исходя из *уровня* модернизации. Мы не пытаемся определить, когда возникают демократические трансформации, принимая их *возникновение* как данность, однако пытались предсказать их пределы. Любое объяснение волн таких трансформаций должно принимать в расчет международную поддержку политических режимов. Но как только переход свершается, объяснение их *пределов* должно принимать во внимание модернизационные факторы, в особенности *либеральные устремления*. Мы не анализируем также механизмы воплощения массовых устремлений к свободе в формировании групп и действий, которые и реализуют изменение режима. Но такие механизмы должны существовать. В противном случае, массовые либеральные устремления не имели бы существенного влияния на последующие изменения того или иного режима. Действительно, такое влияние чрезвычайно важно и не может быть просто не приниматься во внимание. Но предоставим проверку этого тем, кто полагает, что изменения режима не зависят от доминирующих массовых предпочтений, а просто являются объектом волевого действия элит¹.

Чтобы окончательно убедиться в своих выводах, нам недостает соответствующих лонгитюдных данных, но доступные статистические подтверждения плюс теоретические обоснования указывают на то, что основная каузальная цепочка тянется от *либеральных устремлений* в сторону демократии. Наши результаты опровергают утверждение о том, что позиции масс не играют роли в становлении современных демократий. Многие ученые пытались идентифицировать массовые аттитюды, в наибольшей мере способствующие демократии, но ни один из них не указал явно на *либеральные устремления*. Сторонники акторного подхода допускают, что консолидация демократии каким-то образом связана с развитием, но все-таки полагают, что изменения в сторону демократии зависят от *волевого действия элит*. Тот факт, что массовые устремления к свободе объясняют от 65% до 93% вариативности в нашей модели, указывает на то, что элиты — всего лишь часть истории. Остаточный эффект в наших моделях, возможно, отражает свободу действий в управлении демократическими преобразованиями, присущую коллективным акторам, но этот эффект относительно мал, хотя не настолько, чтобы им можно было пренебречь. Усилия коллективных акторов, как нам представляется, связаны прежде всего с тем, *когда и каким образом* могут осуществляться демократические трансформации, нежели с тем, *как далеко* они могут зайти.

---

¹ Существует два возможных объяснения трансляции влияния массовых либеральных устремлений на процесс демократизации. Одно состоит в том, что устремления к свободе определяют силу народных движений за демократию. Другое — в том, что они повышают влияние либеральных реформаторов среди элит. Чтобы исключить последнюю зависимость, нужно принять допущение, что элиты не подвержены влиянию доминирующих в обществе ценностей и отношений, что в принципе невозможно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Используемые переменные и источники данных

Благосостояние — ВВП на душу населения в долларах США по рыночному валютному курсу 1990 года (United Nations Statistical Yearbook, 1994).

Образование: годы обучения — количество лет, которые человек в возрасте не менее 25 лет потратил на стационарное образование на 1990 год (Human Development Report (HDR), 1991).

Образование: вовлеченность — количество студентов на 100 000 жителей в 1990 году (UNESCO Statistic Yearbook, 1994).

Терциаризация — процент трудовых ресурсов, занятых в секторе услуг на 1990 год (HDR, 1997).

Индекс человеческого развития — измерения на 1994 год (HDR, 1997). Индекс объединяет среднюю продолжительность жизни, ВВП на душу населения и долю грамотного населения.

Распределение экономических ресурсов — измерения на 1988 год и частично на 1993-й. Индекс объединяет субиндексы, включая (1) индекс физических ресурсов, отражающий долю семейных хозяйств в аграрном секторе и деконцентрацию несельскохозяйственных ресурсов (100% минус доля ВВП, созданная государством, иностранными предприятиями и большими национальными фондами); (2) индекс когнитивных ресурсов, измеряемый как число студентов на 100 000 населения, а также доля грамотного населения; (3) индекс профессиональной диверсификации, получаемый из соотношения городского населения и доли несельскохозяйственных работников [44, с. 42–63].

Неравенство доходов: доля самого бедного квантиля — доля в ВВП самых бедных 20% домохозяйств между 1981 и 1993 годами (HDR, 1996).

Неравенство доходов: отношение наиболее бедного квантиля к наиболее богатому — частное от деления доходов наиболее бедного квантиля на доходы наиболее богатого квантиля (HDR, 1996).

Этническая поляризация: процент второй по количеству этнической группы на середину 1980-х годов (Britannica Book of the Year (BBY), 1990–1993).

Языковое расслоение — Рае-индекс, вычисляемый как количественное соотношение языковых групп (BBY, 1998).

Протестантизм — процент протестантов начиная с середины 1980-х годов (BBY, 1998).

Западное культурное наследие — процент протестантов плюс католики начиная с 1980-х годов (BBY, 1988).

Исламизм — процент мусульман начиная с 1980-х годов (BBY, 1998).

Религиозное расслоение: Рае-индекс, вычисляемый как количественное соотношение религиозных групп (BBY, 1998).

Функциональные возможности государства: поступления от сбора налогов — доходы государства от сбора налогов в ВВП на 1989–1990 (HDR, 1992).

Функциональные возможности государства: издержки на государственные нужды — расходы на душу населения в долларах США (HDR, 1998).

Милитаризм: доля военнослужащих — количество на 1 000 жителей (ВВУ, 1998).

Милитаризм: доля военных ассигнований — процент к общим расходам государства (ВВУ, 1995).

Период непрерывного опыта демократии — рассчитано начиная с первого полного года национальной независимости до 1985 года, за исключением постсоветских и постюгославских государств, которым были приписаны показатели Советского Союза и Югославии. Тот или иной год рассматривался в качестве демократического, если страна получила в этот год не менее 8 баллов по 10-балльной шкале демократии Гарра и Джаггерса [28].

Диффузия — каждой стране присваивалось среднее значение изменения режима по ее региону начиная с 1985 года и заканчивая 1995-м. Региональные средние вычислялись для всех стран по оценкам Freedom House. Регионы определялись, согласно концепту “культурных зон” [25].

Мир-системная позиция — зарегистрированный экспорт в долларах США на душу населения на 1994 год (HDR, 1998).

Переменные, взятые из второго и третьего World Values Surveys

Удовлетворенность жизнью — национальная средняя по 10-балльной шкале удовлетворенности жизнью (v96).

Толерантность: в сексуальной сфере¹ — отсутствие указаний на “неприемлемых соседей”, дихотомизирована как 1 против 0; добавлены значения для соседей со СПИД (v58) и гомосексуалистов (v60); агрегированная мера является национальной средней по шкале 0–2.

Толерантность: в этнической сфере* — добавлены значения для соседей различной этнической (v52) и религиозной принадлежности (v57), а также иммигрантов (v58).

Протестное поведение* — показатель, указывающий на совершенные действия; значения для петиций (v118), бойкота (v119) и демонстраций (v120) добавлены; агрегированная мера является средней по шкале 0–3.

Межличностная эмпатия — процент людей, стремящихся к пониманию предпочтений других, определяемый на основании вопроса о том, что “важно для человеческих отношений” (v48).

Взаимное доверие — процент респондентов, полагающих, что “большинству людей можно доверять”.

Социальные связи — ответ “очень важно” дихотомизирован для “важности семьи” (v4) и “важности друзей” (v5); соответствующие значения добавлены с тем, чтобы получить шкалу 0–2.

Институциональное доверие: к институтам власти* — доверие на уровнях “очень доверяю” и “достаточно доверяю” дихотомизировано; значения для церкви (v135), армии (v136), полиции (v141) и законодательной системы (v137) добавлены для получения шкалы 0–4.

---

¹ Вопросы, суммированные в аддитивные индексы, образуют основные компоненты в объяснительном факторном анализе соответствующих групп (**батареи**) вопросов; при этом используются обобщенные индивидуальные данные. Далее в списке переменных помечается знаком *.

Институциональное доверие: к политическим институтам* — значения для парламента (v144), правительства (v142), партий (v143) и социальной службы добавлены для получения шкалы 0–4.

Политическая умеренность — процент респондентов, которые предпочли “постепенные реформы” при ответе на вопрос о модусе социальных преобразований (v124).

Интерес к политике — процент респондентов, утверждающих, что “часто обсуждают политику” с друзьями.

Общественная деятельность* — “активное членство” дихотомизировано; добавлены значения для религиозных ассоциаций (v28), ассоциаций в сфере образования, искусства и музыки (v30), объединений защитников окружающей среды (v33) и благотворительных ассоциаций (v35).

Религиозность — национальная средняя по ответам о “важности Бога в жизни” по 10-балльной шкале (1 — совершенно не важно; 10 — очень важно).

Таблица

Определение влияния структурных, культурных и международных предикторов на изменение в сторону демократии (частичные модели)

Предикторы	Исходные автократии				Исходные демократии			
	<i>B</i>	(<i>SE</i>)	part <i>R.</i>	<i>VIF</i>	<i>B</i>	(<i>SE</i>)	part <i>R.</i>	<i>VIF</i>
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Социальная структура:								
Благосостояние (зарегистрированный ВВП на душу населения)	–	–	–	–	–	–	–	–
Образование: время	–	–	–	–	–	–	–	–
Терциаризация (сектор услуг)	0,20***	(0,05)	0,75	1,45	–	–	–	–
Распределение экономических ресурсов	–	–	–	–	0,22**	(0,08)	0,50	1,68
Этническая поляризация	–	–	–	–	–	–	–	–
Протестантизм	–	–	–	–	–	–	–	–
Западное христианство	0,12**	(0,03)	0,68	1,41	–	–	–	–
Исламизм	–0,08*	(0,04)	–0,41	1,47	–	–	–	–
Возможности государства: государственные доходы от сбора налогов	–	–	–	–	–	–	–	–
Возможности государства: расходы государства,	–	–	–	–	0,49*	(0,23)	0,44	1,68
Милитаризм: военнослужащие к населению	–0,43*	(0,20)	–0,47	1,29	–	–	–	–

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Константа</i>	21,78***	(2,69)			-20,12***	(3,28)		
Коэффициент детерминации <i>R</i> (скорректированный)			0,85				0,57	
<i>N</i>			23				25	
	Взвешенные наименьшие квадраты: веса для Азербайджана (0,45), Бангладеш (0,53), Китая (0,69)			Взвешенные наименьшие квадраты: веса для Бразилии (0,64), Финляндии (0,69), Португалии (0,71)				
Политическая культура:								
Устремления к свободе	14,45***	(3,64)	,62	1,18	5,68**	(1,20)	0,46	1,52
Удовлетворенность жизнью	–	–	–	–	–	–	–	–
Толерантность: сексуальность	–	–	–	–	–	–	–	–
Протестное поведение	–	–	–	–	–	–	–	–
Обобщенное доверие	–	–	–	–	14,88*	(6,78)	0,41	1,93
Политический интерес	27,14*	(13,49)	0,39	1,18	–	–	–	–
Религиозность	–	–	–	–	-1,15*	(0,61)	-0,37	1,81
<i>Константа</i>	-6,79	(5,85)			-15,76*	(8,06)		
Коэффициент детерминации <i>R</i> (скорректированный)			0,52				0,66	
<i>N</i>			34				28	
	Взвешенные наименьшие квадраты: веса для Беларуси (0,69), Китая (0,67)			Взвешенные наименьшие квадраты: веса для Финляндии (0,80), Португалии (0,75)				
Международное положение:								
Диффузия	0,49***	(0,12)	0,61	1,37	–	–	–	–
Мир-системная позиция: зарегистрированный экспорт на душу населения	3,67**	(1,20)	0,49	1,37	3,89***	(0,52)	0,83	1,00
<i>Константа</i>	-7,81	(6,37)			-35,35***	(4,26)		
Коэффициент детерминации <i>R</i> (скорректированный)			0,63				0,66	
<i>N</i>			32				28	
	Взвешенные наименьшие квадраты: веса для Нигерии (0,67), Уругвая (0,76)			Взвешенные наименьшие квадраты: веса для Финляндии (0,27), Индии (0,24), Венесуэлы (0,61)				

Литература

1. *Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture. — Princeton, NJ, 1963.
2. *Barnes S.H., Kaase M., et al.* Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. — Beverly Hills; London, 1979.
3. *Barro R.J.* Determinants of Economic Growth. — Cambridge, 1997.
4. *Bollen K.* World System Position, Dependency and Democracy // American Sociological Review. — 1983. — 48. — P. 468–479.
5. *Bollen K.A., Jackman R.W.* Political Democracy and the Size Distribution of Income // American Sociological Review. — 1985. — 50. — P. 438–457.
6. *Brint St.* New Class and Cumulative Trend Explanations of the Liberal Political Attitudes of Professionals // American Journal of Sociology. — 1984. — 90. — P. 30–71.
7. *Burkhardt R.E., Lewis-Beck M.S.* Comparative Democracy // American Political Science Review. — 1994. — 88. — P. 903–910.
8. *Cutright P.C.* National Political Development // American Sociological Review. — 1963. — 28. — P. 253–264.
9. *Dahl R.A.* Democracy and Its Critics. — New Haven, 1993.
10. *Dalton R.J.* Citizen Politics. — Chatham, 1996.
11. *Diamond L.* Economic Development and Democracy Reconsidered // Reexamining Democracy / Ed. by G.Mark, L.Diamond. — London, 1992. — P. 93–139.
12. *Diamond L.* The Globalization of Democracy // Global Transformation and the Third World / Ed. by R.O.Slater, B.M.Schutz, St.Dorr. — Boulder, 1993. — P. 31–69.
13. *Dietz Th.R., Frey S., Kalof L.* Estimation with Cross-National Data. Robust and Nonparametric Methods // American Sociological Review. — 1987. — 52. — P. 380–390.
14. *Doorenspleet R.* Reassessing the Three Waves of Democratization // World Politics. — 2000. — 52. — P. 384–406.
15. *Eckstein H.* A Culturalist Theory of Political Change // American Political Science Review. — 1988. — 82. — P. 789–804.
16. *Elkins Z.* Gradations of Democracy? Empirical Tests of Alternative Conceptualization // American Journal of Political Science. — 2000. — 44. — P. 293–300.
17. *Fuchs D., Klingemann H.-D.* Citizens and the State // Citizens and the State / Ed. by H.-D.Klingemann, D.Fuchs. — Oxford, 1995. — P. 417–443.
18. *Gasiorowski M., Power T.* The Structural Determinants of Democratic Consolidation // Comparative Political Studies. — 1998. — 31. — P. 740–771.
19. *Helliwell J.F.* Empirical Linkages Between Democracy and Economic Growth // British Journal of Political Science. — 1994. — 24. — P. 225–248.
20. *Huber E., Rueschemeyer D., Stephens J.D.* The Impact of Economic Development on Democracy // Journal of Economic Perspectives. — 1993. — 7. — P. 71–85.
21. *Huntington S.P.* Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. — 1984. — 99. — P. 193–218.
22. *Huntington S.P.* The Third Wave. — London, 1991.
23. *Inglehart R.* Culture Shift. — Princeton, 1990.
24. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. — Princeton, 1997.
25. *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. — 2000. — 65. — P. 19–51.
26. *Inkeles A.* Exploring Individual Modernity. — New York, 1983.
27. *Inkeles A., Smith D.H.* Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. — Cambridge, 1974.
28. *Jagers K., Gurr T.R.* Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data // Journal of Peace Research. — 1995. — 32. — P. 469–482.
29. *Judge G., et. al.* Introduction to the Theory and Practice of Econometrics. — New York, 1988.

30. *Kurzman Ch.* Waves of Democratization // Studies in Comparative International Development. — 1998. — 33. — P. 42–64.
31. *Lipset S.M.* Some Social Requisites of Democracy // American Political Science Review. — 1959. — 53. — P. 69–105.
32. *Lipset S.M., Kyoung-Ryung S., Torres J.Ch.* A Comparative Analysis of the Social Requisites of Democracy // International Social Science Journal. — 1993. — 45. — P. 155–175.
33. *Modelski G., Perry G.* Democratization in Long Perspective // Technological Forecasting and Social Change. — 1991. — 39. — P. 23–34.
34. *Moon B.E., Dixon W.J.* Basic Needs and Growth-Welfare Trade-Offs // International Studies Quarterly. — 1992. — 36. — P. 191–212.
35. *Muller E.N., Seligson M.A.* Civic Culture and Democracy // American Political Science Review. — 1994. — 88. — P. 635–652.
36. *Olsen M.E.* Multivariate Analysis of National Political Development // American Sociological Review. — 1968. — 33. — P. 699–712.
37. *Przeworski A., Limongi F.* Modernization: Theories and Facts // World Politics. — 1997. — 49. — P. 155–183.
38. *Putnam R.D.* Making Democracy Work. — Princeton, NJ, 1993.
39. *Randall V., Theobald R.* Political Change and Underdevelopment. — Durham, 1998.
40. *Robinson W.I.* Promoting Polyarchy. — Cambridge, 1991.
41. *Scarborough E.* Materialist-Postmaterialist Value Orientations // The Impact of Values / Ed. by E.Scarborough, Deth J.van. — Oxford, 1995. — P. 123–159.
42. *Sen A.* Human Capital and Human Capability // World Development. — 1997. — 25. — P. 1959–1961.
43. *Siverson R.M., Starr H.* Regime Change and the Restructuring of Alliances // American Journal of Political Science. — 1994. — 38. — P. 145–161.
44. *Vanhanen T.* Prospects of Democracy. — London, 1997.
45. *Welsch R.E.* Regression Sensitivity Analysis and Bounded-Influence Estimation // Evaluation of Econometric Models / Ed. by J.Kmenta, J.B.Ramsey. — New York, 1980. — P. 153–167.
46. *Zeller R.A., Carmines E.G.* Measurement in the Social Sciences. — Cambridge, 1980.

*Перевод с английского И.Д.Колодия
(Харьковский национальный университет им.В.Н.Каразина)
Научная редакция перевода О.Д.Куценко
(Киевский национальный университет им.Тараса Шевченко)*